

Казанский федеральный университет
Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций
Кафедра общей и этнической социологии
Казань, Россия

DOI: 10.24153/2079-5912-2018-9-5-45-49

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ИМИДЖ РЕГИОНА: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИК ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБРАЗОВ БУЛГАРСКОГО ПРОШЛОГО ТАТАРСТАНА

Аннотация: Одним из важнейших аспектов формирования имиджа региона является интерпретация историко-культурного наследия. В статье рассмотрены процессы институционализации практик обращения к региональному прошлому для создания образа региона на национальном и международном уровнях (на примере институционализации практик воспроизводства образов болгарского прошлого Татарстана).

Ключевые слова: социальная память, политика памяти, имидж региона, бренд региона, институционализация, Татарстан.

Современные тенденции регионального развития и возрастание значимости культурного туризма, предполагают активную работу с имиджем региона. Республика Татарстан сегодня позиционирует себя одним из лидеров среди регионов и «третьей столицей» Российской Федерации, а так же крупнейшим спортивным, культурным и туристическим России. В том, что Татарстан продолжает восприниматься и презентовать себя именно как особенный регион, важную роль играет определенная политика памяти, которая заключается во внимании к историческому прошлому татар и вообще к истории через призму развития татарской этнической группы и социально-политической самобытности региона. Элементы и образы исторического прошлого региона становятся способом обосновать значимость историко-культурного наследия республики. Также, обращение к прошлому актуализирует практики в сфере культуры и туризма, нацеленные на интерпретацию связи исторического наследия и современного Татарстана и татарстанцев.

По сведениям археологов, на территории современного Татарстана можно найти древнейшие памятники, относящиеся к финно-угорской, славянской, тюркской и другим культурам, которые, так или иначе, оставили свой след в различные исторические периоды [3]. Однако, конструирование имиджа республики, в связи с ее культурным наследием (как внутри Татарстана, так и за его пределами) особенно ярко прослеживается в отношении памяти о Булгарском периоде истории региона. Волжская Булгария – это средневековое феодальное государство, с развитой экономической и политической системами и высоким уровнем художественной культуры. Государство располагалось на территории современного Татарстана и ряда соседних республик [3].

Несмотря на то, что болгарская версия прошлого региона не становится единственной и доминирующей, мероприятия, заповедники, музеи, научные исследования, произведения искусства и культуры связанные именно с образом Волжской Булгарии появляются регулярно, и именно вокруг «болгарских» памятников активно развивается инфраструктура и множество практик в сфере туризма.

Именно это многообразие форм и путей актуализации болгарского прошлого Татарстана, делают память о Волжской Булгарии в Татарстане тем кейсом, который позволяют исследовать активность различных социальных агентов относительно конструирования образа прошлого, и его актуализации в связи с региональной политикой, культурой и туристической экономикой настоящего.

Данное исследование основывается на общих идеях социального конструктивизма, представленных в трудах П. Бергера, Т. Лукмана [6], Н. Лумана [10]. Социальная память, в данном ключе – это поле репрезентаций образов прошлого (отдельных исторических событий, персонажей, эпох), а также как множество практик обращения к прошлому для легитимации различного рода социальной активности и групповых идентичностей. Теоретической рамкой исследования являются концепции исследования памяти, таких исследователей как: М. Хальбвакс [13], Э. Хобсбаум [14], Д. Александер [2], Дж. Олик [8], Т. Адорно [1], П. Бурдьё [7], П. Нора [12], Я. Ассман [5], А. Ассман [4], Н.Е. Копосов [9], О.Ю. Малинова [11], В. А. Шнирельманн [15]. Эмпирически исследование основано на материалах республиканских и региональных СМИ посвященных периоду Волжской Булгарии, и серии экспертных интервью со специалистами в области истории региона – историки, представители общественных организаций посвященных исторической тематике, специалисты, занятые в сфере регионального туризма, учителя, преподающие историю Татарстана (N=36).

Для того чтобы выявить особенности формирования политики памяти на региональном уровне, фокус исследования был сосредоточен на дискурсах о прошлом, транслируемых различными социальными акторами и практиках, которые актуализируются и санкционируются при помощи этих дискурсов. Под практиками, в данном случае, понимается широкий спектр действий – от создания различных памятников, заповедников, произведений искусства, и культурных программ до формирования и поддержки формальных и неформальных институтов. Именно на таком аспекте политики памяти о наследии Волжской Булгарии, как институционализация практик актуализации прошлого, сосредоточен исследовательский фокус в данной статье. Институционализация практик «работы» с прошлым – значимый аспект конструирования имиджа региона в

настоящем.

Под институционализацией, в контексте создания регионального образа понимается создание формальных и неформальных институциональных структур занятых «работой» с прошлым региона. Причем эта работа происходит одновременно как в туризме (стандартизация подготовки экскурсоводов, лицензирование), так и в академической среде и системе школьного образования. Основными акторами в рамках данной стратегии является правительство республики и профильные министерства, а также близкие к ним авторитетные представители профессионального сообщества историков и сферы культуры.

В академической среде стратегия выражена в учреждении новых научно-исследовательских подразделений. Это, к примеру, создание Отдела истории татаро-болгарской цивилизации, в рамках Института Истории Академии наук в 2014 году. Как отмечает руководитель подразделения, название отдела, не отражает содержание его работы, однако демонстрирует предпочтения руководства республики: *«Ну я вот многие вещи в название мне не нравятся, я хотел по-другому написать, но руководство так приняло, это так Минтимер Шарипович так хотел, может быть»* (работник Института Истории Академии наук РТ, татарин).

Учреждение Института археологии им. А. Х. Халикова в рамках Академии наук Республики Татарстан в 2014 году, также проявление стратегии институционализации политики памяти о Волжской Булгарии. Институт является крупнейшим центром, инициирующим практики актуализации болгарского периода истории Республики Татарстан в рамках археологических раскопок, подготовки и издания научной литературы и организации мероприятий, таких как Международная полевая археологическая школа (организована Институтом археологии им. А. Х. Халикова АН РТ совместно с Казанским (Приволжским) федеральным университетом в 2014 г.).

На базе института функционирует Международный центр археологических исследований Академии наук Республики Татарстан (открыт в 2013 г. в г. Болгар). Центр представляет из себя учреждение цель которого – обеспечение и проведение научно-исследовательских работ Болгарской археологической экспедиции. Кроме того, каждая из обозначенных организаций, так или иначе, связана с процессом подготовки профессиональных историков и археологов в Татарстане, и специализации именно на периоде средневековой и болгарской истории региона. Таким образом, институализируются как практики изучения болгарского наследия и производства смыслов о нем, так и практики подготовки археологов и историков, работающих, в рамках проблематики Волжской Булгарии.

Институционализация захватывает и сферу подготовки экскурсоводов, так как право проведения экскурсий в Болгарском музее-заповеднике (основная масса экскурсий по болгарской тематике) требует предварительного получения аккредитации. Государственный комитет Республики Татарстан по туризму поддерживает работу Казанского туристического центра и Гильдии экскурсоводов, в рамках которого специалисты Института Истории Академии наук РТ и сотрудники Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, а также приглашенные специалисты проводят лекции для экскурсоводов, и саму аккредитацию (необходимо проходить раз в год).

Экскурсоводы получившие аккредитацию на работу в болгарском заповеднике, отмечают: *«Проводят гильдии для экскурсоводов, встречи со специалистами, архитекторами, писателями, персонажами яркими интересными»* (экскурсовод, татарин). Однако, отмечается, что несмотря на процедуру аттестации и курсы подготовки, экскурсоводы свободны в выборе того, что рассказывать туристам: *«Экскурсии да, конечно наши ведущие ученые исследователи, министерство культуры, последний год контролирует. Правда, мы никаких поправок не получали, чтобы вот это говорить, то не говорить, жесткой цензуры нет, потому, что в основе своей классическая история, скажем советского времени»* (научный сотрудник музея, русский).

Институционализация, как стратегия политики памяти, выражается также и в работе с физическими местами памяти болгарского периода. Особую роль играет инициирование реконструкции историко-культурного заповедника Великий Болгар, который включает в себя ряд отдельных музеев, каждый из которых является структурой, занимающейся научной и просветительской работой по актуализации и распространению образов прошлого связанного с наследием Волжской Булгарии. Создание республиканского фонда «Возрождение», также является формой институционализации практик политической элиты региона направленных на конструирование представлений о прошлом. Работа фонда в Болгарах *«компенсирует все, что и туристы, и жители Казани, не видели, и не увидят и не узнают о Волжской Булгарии»* (экскурсовод, татарин).

Выделение двух памятников для интенсивной работы по восстановлению инфраструктуры и по популяризации их в туристической жизни региона имеет первостепенное значение для расстановки «акцентов», в историческом прошлом региона. Это отмечается всеми информантами. Сосредоточение большей части ресурсов на объекте, который репрезентируется, как объект болгарского

наследия влечет за собой рост интереса к этому периоду в СМИ, среди туристов и опосредованно в сфере историков и археологов. Последние начинают интересоваться тематикой Волжской Булгарии активнее во многом из-за создания фондом «Возрождение» благоприятных материальных технических условий, тем, кто работает в рамках болгарского городища.

Конструирование инфраструктуры (в широком смысле, как предметной, так и организационной) представляющей возможности для изучения и репрезентации для аудитории болгарского периода, становится еще одним проявлением стратегии институционализации политики памяти о Волжской Булгарии в Татарстане. Создание музейных комплексов учитывающих не только требования экспертов, но и потребности в удобствах и развлечениях для туристов – акцентирует внимание на том периоде, которому эти комплексы посвящены. Как уже было отмечено, Болгарский историко-археологический заповедник один из двух крупнейших туристических объектов региона. К работе с инфраструктурой можно также отнести прокладку и обновление дорог, строительство гостиничных комплексов, ресторанов, парковок и магазинов вокруг Болгарского заповедника. Эта стратегия активнее всего использует канал «памятники», а основным ее актором является политическая элита региона.

Брендинг региона при помощи политики памяти о болгарском наследии Татарстана включает тактики использования нарративов об особой ценности Татарстана, как политической и культурной единицы, однако в большей степени ориентировано на создание «внешнего», туристического образа, который мог бы легко восприниматься и запоминаться. Мифологизация, с ее романтизацией нарративов о прошлом, наполнения их эмоциями становится способом наполнить этот образ необходимым содержанием и при этом вписать его в логику коммерциализации и развития туризма.

Резюме.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод, о том, что работа с историей региона как с частью бренда республики ведется активнее всего в рамках академической сферы, религии и туризма. Во многом политика памяти актуализирует создание разного рода инфраструктуры, вокруг объектов связанных с памятью о Волжской Булгарии. Инфраструктура, такая как дороги, кафе, гостиницы, порт – те факторы, которые активизируют не столько конструирование новых смыслов о прошлом, сколько практики, связанные с коммеморациями (туристические практики, религиозные обряды и ритуалы, школьные экскурсии и т.д.).

Создание инфраструктуры, таким образом, значительно влияет на характер и частоту практик связанных с тем или иным местом памяти – это касается и туристов, которые активнее посещают благоустроенные достопримечательности, и например, ученых-историков, которых стимулируют к исследованиям именно болгарского периода хорошие условия работы, созданные на территории конкретного памятника – Великого Болгара. Так как создание условий для туристов и паломников происходит в основном вокруг только одного памятника болгарского периода (историко-археологического заповедника Великий Болгар), то и основное внимание в СМИ, произведениях искусства, организованных практиках (систематических экскурсиях, ежегодных мероприятиях) сосредоточено вокруг этого объекта.

С точки зрения анализа логики осуществления политики памяти стратегия институционализации принимает особое значение, она выражается как в работе с физическими местами памяти болгарского периода, так и в создании формальных и не формальных институциональных структур занятых конструированием болгарского прошлого региона. Фактически политика памяти при помощи этой стратегии воспроизводит свои ключевые элементы: нарративы, акторов (социализированных как представителей определённой школы исторических исследований, например), каналы (музеи, конференции, тексты и т.д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 36–45
2. Александер, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. – С. 5-40
3. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань, 1987, с. 198-205; Археологическая карта Татарская АССР, – М., 1981, с. 50, 64-65.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. 328 с.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности (Перевод с немецкого М.М. Сокольской); М.: «Языки славянской культуры», 2004. 368 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: "Медиум", 1995. — 323 с
7. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики/ Сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. Ч. 1, СПб. : Алетейя, 2007. - 567 с.
8. Дж. Олик, Д. Хлевнюк, Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. №1 С.40-74.
9. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.320 с.
10. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
11. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М. : Политическая энциклопедия, 2015. — 207 с
12. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50
13. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с франц. и вступ. статья С.Н. Зенкина.— М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.
14. Хобсбаум, 2004 – Хобсбаум Э. Эпоха крайностей:Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.
15. Шнирельман В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика// Македония: проблемы истории и культуры: сб.науч.тр / Институт славяноведения, РАН. - М., 1999. - С. 12-13.

Ozerova K.A.
Kazan State University,
Russia, Kazan
karina-usm@yandex.ru

SOCIAL MEMORY AND THE IMAGE OF THE REGION: THE INSTITUTIONALIZATION OF PRACTICES OF REPRODUCTION OF THE IMAGES OF THE BULGAR PAST OF TATARSTAN

One of the most important aspects of the formation of the image of the region is the interpretation of historical and cultural heritage. The article deals with the processes of institutionalization of practices of reference to the regional past to create an image of the region at the national and international levels (on the example of institutionalization of practices of reproduction of images of the Bulgarian past of Tatarstan).

Keywords: social memory, memory policy, image of the region, brand of the region, Tatarstan.

Resume: The data obtained allow us to conclude that the work with the history of the region as part of the brand of the Republic is carried out within the academic sphere, religion and tourism. In many ways, the policy of memory actualizes the creation of various kinds of infrastructure around the objects associated with the memory of the Volga Bulgaria. Infrastructure, such as roads, cafes, hotels, port – those factors that activate not so much the construction of new meanings about the past, as practices related to commemorations (tourist practices, religious rites and rituals, school trips, etc.). Since the creation of conditions for tourists and pilgrims is mainly around only one monument of the Bulgarian period (historical and archaeological reserve Of the great Bolgar), the main attention in the media, works of art, organized practices (systematic excursions, annual events) is concentrated around this object. From the point of view of the analysis of the logic of memory policy implementation, the strategy of institutionalization also takes special importance, it is expressed both in the work with physical places of memory of the Bulgar period, and in the creation of formal and non-formal institutional structures engaged in the construction of the Bulgar past of the region. In fact, the policy of memory with the help of this strategy reproduces its key elements: narratives, actors (socialized as representatives of a certain school of historical research), channels (museums, conferences, texts, etc.).

Literature:

1. Adorno T. Chto znachit «prorabotka proshlogo» // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2-3. С. 36–45
2. Aleksander, Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. №3. – S. 5-40
3. Arхеologicheskie pamyatniki Tatarskoj ASSR. – Kazan', 1987, s. 198-205; Arхеologicheskaya karta Tatarskaya ASSR, – M., 1981, s. 50, 64-65.
4. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / per. s nem. M.: N.L.O., 2014. 328 s.
5. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vy'sokix kul'turax drevnosti (Perevod s nemeckogo M.M. Sokol'skoj); M.: «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 2004. 368 s.
6. Berger P., Lukman T. Social'noekonstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. — M.: "Medium", 1995. — 323 s
7. Burd'yo P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki/ Sost. i obshh. per. s fr. i poslesl. N.A. Shmatko. Ch. 1, SPb. : Aleteya, 2007. - 567 s.
8. Dzh. Olik, D. Xlevnyuk, Figuracii pamyati: processo-relyacionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. №1 S.40-74.
9. Kopusov N.E. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.320 s.
10. Luman N. Social'ny'e sistemy'. Ocherk obshhej teorii / per. s nem. I. D. Gazieva. SPb.: Nauka, 2007. 648 s.
11. Malinova O. Yu. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity i dilemmy rossijskoj identichnosti. — M.: Politicheskaya e`nciklopediya, 2015. — 207 s
12. Nora P. Problematika mest pamyati // Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Franciya-pamyat`. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 17–50
13. Xal'bvaks M. Social'ny'e ramki pamyati / per. s francz. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina.— M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. — 348 s.
14. Xobsbaum, 2004 – Xobsbaum E`. E`poxa krajnostej:Korotkij dvadczatyj vek (1914–1991). M.: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta, 2004. 632 s.
15. Shnirel'man V. A. Nacional'ny'e simvol'y, e`tnoistoricheskie mify i e`tnopolitika// Makedoniya: problemy istorii i kul'tury: sb.nauch.tr / Institut slavyanovedeniya, RAN. - M., 1999. - S. 12-13.